

УДК 323

СТАРОСТИН Александр Михайлович – д.полит.н., профессор; заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70; filosofia@uriu.ranepa.ru)

ПОНЕДЕЛКОВ Александр Васильевич – д.полит.н., профессор; заведующий кафедрой политологии и этнополитики Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70; ponedelkov@uriu.ranepa.ru)

ШВЕЦ Лариса Георгиевна – д.полит.н., профессор Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70; filosofia@uriu.ranepa.ru)

ФЕНОМЕН МАРГИНАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЭЛИТОГЕНЕЗЕ

Аннотация. В статье анализируются элитогенез и функционирование современных российских элит с позиций методологии современной элитологии. Отмечено, что при всей несхожести элитогенеза в постсоветских условиях с образованием советского номенклатурного слоя, вырастающего на принципах эгалитаризма, здесь сохраняется существенная социальная преемственность. Показано, что для современной России характерно ускоренное формирование протоэлитного сообщества и действие механизмов маргинализации в элитогенном процессе.

Ключевые слова: элитология, элитологическая парадигма, эгалитарная парадигма, элитогенез, маргинализация, протоэлитное сообщество, меритократия, медитократия, дух элитизма

В современном глобализирующемся мире и научном познании быстро растет интерес к элитам, прежде всего политическим, административным, бизнес-элитам, интеллектуальным, военным, элитному слою СМИ и элитам новых, нарождающихся креативно-инновационных областей деятельности.

Данный интерес, как и любое современное серьезное намерение и предпринятие, выражается прежде всего в научном и, шире говоря, аналитическом дискурсе: появились и быстро развиваются элитологические исследования в политологии, социологии, психологии и других отраслях знания. Это позволяет также утверждать, что элитологические исследования не только включены в процесс научно-предметной дифференциации, но наметились и интеграционные течения¹. Это позволило нам прийти к утверждению, что «комплексной научной дисциплиной, все более претендующей на самостоятельный статус, является элитология» [Старостин 2012: 5].

Методологическая база элитологической парадигмы связана с известной в политической и социальной философии оппозицией элитарного и эгалитарного начал.

Элитистские идеи и установки вплоть до конца XIX в. развивались в рамках социально-философских концепций (Платон, Конфуций, Т. Карлейль, Ф. Ницше). Лишь в конце XIX – начале XX в. элитология начинает формироваться как научное направление (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс, П. Сорокин, Н. Бердяев и др.).

Элитизм основан на утверждении о естественном антропологическом, интеллектуальном, социальном неравенстве людей и их неизбежном расслоении на группы, среди которых доминирующая роль, несмотря на действие сдерживаю-

¹ Определенным свидетельством этого является проведение в г. Ростове-на-Дону 7–8 октября 2013 г. I Всероссийского элитологического конгресса с международным участием «Элитология России: современное состояние и перспективы развития» на базе Южно-Российского института – филиала РАНХиГС при Президенте РФ [Элитология России... 2013].

щих социальных механизмов, так или иначе отходит к немногочисленной (2–5%) аристократической (или меритократической) группе, определяющей путем властного воздействия или иных форм воздействия пути развития общества. Наличие руководящего или правящего класса обусловлено прежде всего все возрастающей ролью управленческой деятельности в обществе и неравными способностями и склонностями (желанием участвовать) различных людей в этой сфере.

Любая эгалитаристская вспышка в обществе заканчивается элитарным переделом, а «восстание масс» сменяется «восстанием элит», или «восстанием меньшинств».

Постоянная конкуренция и взаимная дополнительность элитизма и эгалитаризма побуждают к более глубоким поискам оснований человеческой природы и изучению переходных состояний («мягкий элитизм», «ограниченная демократия»). Российская социально-историческая практика дает для этого обширный материал.

Следует подчеркнуть, что сам элитологический подход сформировался еще в конце XIX – начале XX в. в **острой методологической полемике и оппозиции к марксистской методологии**. Да и в первой половине XX в. в социально-гуманитарном познании он был недостаточно востребован. Эгалитарские и массово-демократические ценности оказывали мощное мировоззренческое воздействие как на формирование фундаментально-теоретических подходов (конфликтологический, бихейвиористский, системный и структурно-функциональный подходы), так и приложений к системе социального управления.

Поворот во 2-й половине XX в. от «восстания масс» к «восстанию меньшинств» [Московичи 1998; Лэш 2002] произвел методологическую ревизию и на парадигмальном уровне социально-гуманитарного знания, что вновь сделало востребованным элитологический подход и заставило иначе взглянуть на движущие механизмы всего общества.

Один из ведущих современных элитологов Д. Хигли подчеркивает: «...можно ожидать, что в последующие годы элиты в демократиях усвоят более осознанную элитистскую систему взглядов. Для тех, кто придерживается возвышенного эгалитарного видения демократии, это неутешительная картина, но я думаю, что она вероятна» [Хигли 2006: 31].

Обозревая развитие элитологических концепций в современной России, выделим те из них, которые появились в нашей элитологической мысли и получили известность: концепции региональных элит Санкт-Петербургской (А.В. Дука) и Ростовской (А.В. Понеделков, А.М. Старостин) элитологических школ, концепцию этнократических элит М.Х. Фарукшина, концепцию социально-управленческих типов взаимодействия элит А.Е. Чириковой и Н.И. Лапиной, концепцию культурно-исторических типов элит О.В. Гаман-Голутвиной; концепцию ценностной обусловленности деятельности элит А.К. Магомедова [Демократия... 2010]. Практически во всех концепциях просматривается не только выход в широкий социально-политический контекст, но и достаточно конкретная характеристика российских политических процессов того или иного исторического периода.

Иными словами, мы имеем дело и с конкретно-теоретическими, и с парадигмальными элитологическими конструктами, в совокупности создающими содержательный образ российской политики, реконструированной с позиции элитологии. Что касается мировой элитологии и, прежде всего, политической элитологии, то здесь доминируют две базовые элитологические доктрины: иерархическая (Р. Миллс) и полиархическая (Р. Даль).

В российской элитологии присутствует свой вариант, фиксирующий разнообразие моделей взаимодействия элит, который может быть обозначен как полицентрическая доктрина.

Кроме того, следует говорить и о том, что в западной политологии и политической социологии в элитологических исследованиях доминирует институциональная (неинституциональная) доктрина, в то время как в российской элитологии, отталкиваясь от институтов, в итоге апеллируют к лидерам и лидерским командам, отчетливо сознавая слабость российских политических институтов и их формальную роль в элитогенезе.

Такого рода доктринальная амбивалентность порождает инструментальную и экспертную амбивалентность в процессе операционализации концептов. Часть российского элитологического научного и экспертного сообщества исходит из институциональной идентификации российских элит. Другая часть идентифицирует их в качестве неполноценных элит и антиэлит.

С нашей точки зрения, более доктринально репрезентативной выглядит позиция о незавершенности процессов институционализации элитогенеза, которая обозначает российские элиты в качестве протоэлитных сообществ. Более адекватной моделью в этом случае будет все же полицентричная модель элит в многокомпонентном российском обществе.

В обсуждении проблем генезиса и развития современных российских элит часто затрагиваются вопросы их качественного состава и эффективности управленческой деятельности. В суждениях известных отечественных социологов и политологов Ж.Т. Тощенко, О.И. Шкаратана, Л. Гудкова, Б. Дубина, Ю. Левады и др. встречаются суждения о неэлитных проявлениях современной элиты: ее называют псевдоэлитой, позиционной элитой и т.п. В одном из последних элитологических исследований Ю.В. Усовой анализируется многомерная модель позиционирования современных российских элит [Усова 2013]. Это показывает серьезную неустойчивость наших элит в их статусном ракурсе и продуманное или инстинктивное желание дублировать свое высокое статусное положение за счет других ресурсов позиционирования (значительный объем собственности и финансовые ресурсы, владение СМИ, командно-административные и клановые связи, партийно-политическое позиционирование, создание имиджа интеллектуала и т.п.). Излагаемая позиция – это не общее место, она противостоит весьма распространенному одномерному статусно-позиционному (альгиметрическому) подходу, склонному к некритическому восприятию и апологетике элитных позиций отечественных крупных политиков и бизнесменов. Между тем где-то в тени остаются вопросы (и ответы на них), в чем причина несоответствия элитного позиционирования большой группы людей с неэлитными качествами, и что с этим делать.

Первичные ответы на эти вопросы, конечно, существуют. Например, такой известный отечественный социолог, как О.И. Шкаратан, отмечает: «В 1993 г. мы с огорчением писали о том, что реформы приходится проводить в стране, прошедшей через три революции, две войны и сталинские казematы, в стране с существующей практически до сих пор системой социальной мобильности, которая в основу социального положения кладет не принцип профессионализма, интеллектуального приоритета, а угодничество, чиновничество» [Шкаратан 2012: 434]. С этим отчасти можно согласиться. Но только отчасти, поскольку, во-первых, не вполне справедливо противопоставляются принцип профессионализма и чиновничество. В сталинский период как раз чиновничество часто сочеталось с интенсивным трудом, устремленностью к образованию и профессионализму, поскольку последнее и выступало как основной мотив к социальной мобильности. Скорее можно говорить о том, что программы модернизации страны осуществлялись в таком высоком темпе и с такой мобилизационной нагрузкой на население, что элитные слои (как и другие) не удавалось быстро нарастить: слишком высок был процент потерь.

С данной ситуацией можно сравнить разве что положение в Германии в пер-

вой половине XX в: тоже две войны, революция и нацистская контрреволюция, но при этом два катастрофических поражения. Однако немецкая элита, тем не менее, закрепились и не понесла таких потерь, как российская. И в последующем развитии во второй половине XX в. состав немецкой элиты выглядит более качественным.

Самых немцев вопрос о качестве элит (прежде всего, политических и военных) тоже очень занимал и занимает. Они специально занимались такого рода исследованиями, особенно в начале 40-х гг. XX в.: «испытания интеллигенции», проведенные в годы войны немцами среди советских военнопленных, показали, что, хотя группа с интеллектуальным развитием выше среднего обнаружила «выдающиеся знания и одаренность, превосходящие западноевропейский уровень», группы с развитием средним и ниже среднего (а к ним, как и у других народов, принадлежали около 75% испытуемых) «оказались значительно ниже германского уровня» [Соколов 2000: 225]. Иначе говоря, отечественный элитный фактор сработал в итоге лучше немецкого, а вот за недостатки субэлитного и массового слоя пришлось заплатить вдвое и втрое большую цену числом человеческих жертв. Да и элитный слой выстроился непосредственно перед войной и в годы войны, когда часть механизмов, блокировавших «правильный элитогенез», была остановлена. Но вскоре после окончания войны они вновь были запущены. В результате чего, как совершенно справедливо отмечает О.И. Шкаратан, «можно сказать, что сложилось медитократическое общество, где власть принадлежит людям со средними интеллектуальными возможностями, что не позволяет элите вести общество за собой... Понятие “медитократия” вполне может служить для обозначения характерологических свойств карьерной мобильности и формирования элиты как в этакратическом, так и в пост(нео)этакратическом обществах» [Шкаратан 2012: 434-435].

И это действительно так. В то же время у немцев после Второй мировой войны дело элитобразования тоже пошло по довоенной канве, и они достаточно быстро восстановились и значительно превосходили жизненный уровень СССР (хотя в политической сфере и по сей день их устремления и притязания сдерживаются США).

В чем же конечные причины столь разноразно действующих механизмов элитобразования в странах с во многом похожей социально-политической судьбой?

На наш взгляд, нужно обратить внимание на действие двух важнейших факторов, которые и по сей день, хотя и в модифицированном виде, продолжают действовать в нашем социуме.

Первый из них — эгалитарная концепция социального устройства, запущенная в действие в начале XX в. и реализованная на практике после революции 1917 г. и Гражданской войны. На ее основе были ликвидированы элитные аристократические слои и привилегированные сословия имперской России, и за несколько десятилетий выстроилась новая структура общества и механизмы управления им посредством номенклатурной системы. Именно в номенклатуре родился позиционный подход к выстраиванию элитной карьеры в качестве доминирующего. Считалось, что «незаменимых людей нет» и за счет факторов социального положения (классовое происхождение), социального опыта (быстрого, но разнообразного) и образования (ускоренного), а также этакратических ценностей и приоритетов (служение государству, высокая ответственность, готовность к самопожертвованию) удастся решить любые проблемы, даже «пробежать» 200–300-летний путь вхождения в индустриальное общество за несколько десятилетий (см. знаменитый спор большевиков и меньшевиков о готовности России к социальной революции и строительству социализма).

В результате уже к 60-м гг. XX в. стало вполне понятно, что «незаменимые люди»

есть, что ставка на активного и «идейного» середняка из рабоче-крестьянских низов малосостоятельна и из этого материала элиты не слепишь. В то же время стране «победившего социализма» и сверхдержаве мало кто угрожал, а если и угрожал, то было чем отбиться. Остромобилизационные механизмы, которые так или иначе выдвигали на военные, политические, научно-технические, промышленные высшие позиции действительно элитных людей, замедлили свое действие или вообще угасли. И основной эгалитаристский посыл опять развернулся во всем своем цвете.

Так на медитократическом слое в элитных позициях Россия и въехала в постсоветский период, который должен был бы (как у немцев и в других развитых странах) перевести стрелки на элитизм как основной принцип управления в высоко-развитом обществе. Однако он не перевел их или перевел формально, поскольку продолжал действовать и действует поныне принцип маргинализации в обществе мобилизационного типа. А постсоветская Россия осталась обществом мобилизационным, т.к. сменила «период развернутого (и ускоренного) строительства коммунизма» на «период развернутого (и ускоренного) строительства капитализма».

В связи с этим остановимся на втором концепте — маргинализации — и на том, чем она мешает формированию полноценных элитных слоев.

Маргиналами и маргинальными группами называют часть населения, выпадающую из существующих социальных институтов и отношений и теряющую свой статус, оказывающуюся на обочине социальной организации общества и теряющую прежнюю систему ценностей, социальных привычек, мотивов.

Рост объема и влияния маргинальных групп называют маргинализацией [На изломах... 1987; «Маргиналы»... 1989; Стариков 1989]. С массовой маргинализацией сталкиваются при переходе от традиционного к индустриальному обществу. В России эти процессы были порождены в плановом порядке в 1920-х гг. началом индустриализации, когда, например, с 1920 по 1927 гг. численность рабочих выросла в 5 раз. В последующем Великая Отечественная война и послевоенное восстановление привели к крупномасштабной маргинализации населения, которое меняло свои профессии и виды деятельности, перемещалось из региона в регион. В итоге на начало 1980-х гг. до 75% жителей нашей страны жили и работали не в тех местах, где родились. К примеру, в г. Москве широко использовался термин «лимитчики», «лимита» — задействованные в строительстве, на транспорте, в обслуживании, в милиции люди из разных городов страны, приехавшие по разнарядке и имеющие определенные льготы, прежде всего возможность получить московскую прописку. Социологи установили, что за 20 лет, в течение 60–70-х гг., число домохозяек и других трудоспособных иждивенцев в семьях СССР сократилось почти в 9 раз. Все эти многомиллионные слои, перемещавшиеся из деревень в города, из больших городов — на необжитую периферию страны, срочно осваивавшие новые профессии и виды деятельности, были еще не укоренены на новых социально-профессиональных позициях, и требовалась смена 3–4 поколений, чтобы такое укоренение произошло. Оно касается и суб-элитных, и элитных слоев. То, о чем говорится, может быть названо восходящей маргинализацией, поскольку она обусловлена высокой социальной мобильностью. Однако прежний житель села быстро горожанином не становится, а человек, даже способный и закончивший вуз, но не имеющий соответствующих социальных привычек, традиций и занявший номенклатурный пост, в элиту не превратится. Это и.о. элиты. И нужны многие десятилетия, дабы эти «и.о.» трансформировались в настоящую элиту.

В 90-е гг. XX в. в России начался новый процесс, опиравшийся на новую волну маргинализации. Он хорошо описан в нашей научной литературе, публицистике. В бизнес и власть пришли люди из номенклатурных слоев, науки, образования,

криминала и теневой экономики. Они хотели быстрого успеха и укоренения на новых статусных позициях. У большинства это не получилось, но получилась маргинализация, сформировавшая новую субкультуру и слой «новых русских», занявших элитные позиции. По своему происхождению, жизненному опыту, образованию, профессиональным достижениям и способностям (основные параметры требований к элитам) это медитократия с маргинальными проявлениями. Она в основном удовлетворяет сталинскому подходу к кадрам: «незаменимых людей нет». Когда этот подход заменится, наконец, противоположным: «незаменимые люди есть», начнется процесс настоящего, а не ускоренного и фиктивного по существу элитообразования, мы в чем-то станем похожими на немцев. (А предпосылки того, что наша элита будет лучше немецкой, у нас есть. Вторая мировая война это всем показала.)

Таким образом, можно полагать, что тормозом движения российской элиты к ее новому качественному состоянию является не столько групповая сплоченность, политический и управленческий опыт, внутрифункциональные отношения, а уровень качества «человеческого материала». Это и побуждает ставить проблему элитной личности и элитной идентичности в политике, равно как и в других ключевых областях, которая, надо прямо признать, не только не разработана, но даже и не поставлена должным образом.

Поскольку подлинная, основанная на социально-психологических, акмеологических предпосылках и показателях эффективности деятельности элитность в российских политиках пока недостаточна, то для широкого круга конституентов и населения ее можно симитировать, подать на уровне имиджа.

Именно имитационно-имиджевая форма существования и подачи элитности продолжает оставаться ведущей в современной российской политике. Имитируется почти все: образованность, ученость, гражданственная направленность действий, эффективность и результативность политических решений и т.п.

Однако в становлении подлинной политической элитности есть свои закономерности, которые не удастся обойти никакими имиджевыми технологиями и имитациями. К числу наиболее существенных мы относим факторы элитной социализации. Стержневой составляющей элитной социализации выступает элитное образование, которое применительно к современной России имеет особую значимость, поскольку, как показала практика последних десятилетий, никакие внутренние перегруппировки и новые назначения выходцев из советской номенклатурной элиты оказались не способными сформировать ни образ, ни качество новой элиты. Претензии на руководство процессами демократизации и новой волной модернизации блокируются установками и схемами действий прежней политической культуры, которые время от времени предлагает новая элита, а также отсутствием новой системы ценностей. Вряд ли в качестве таковых могут выступать чужие и чуждые образцы и проекции неудовлетворенных амбиций и комплексов, сформировавшиеся в рамках прежней социально-политической системы.

Поэтому постсоветские образцы политической элитности и носят столь мелкомасштабный и имитационный характер и никак не могут укорениться.

Изменить наблюдаемые тенденции в сторону большей открытости, публичности и профессионализма возможно в полной мере при задействовании факторов элитной рекрутации и элитной социализации, характерных для демократической политической культуры.

Стоит также прислушаться к важной методологической установке, высказанной еще М. Вебером применительно к становлению и развитию индустриального общества и культивированию технологических и экономических инноваций на этой платформе. Речь идет о «духе капитализма», «протестантской этике» и тому

подобных ценностно-мотивационных факторах, которые данный классик противопоставлял методологическим позициям других классиков (таким как «невидимая рука рынка», «основные противоречия капитализма» и т.п.), которые в большей мере выстраивались во внешнем, объективистском плане.

В данном контексте уместно говорить о «духе элитизма».

Развитие исследований в намеченных направлениях будет способствовать дальнейшему конституированию и развитию элитистской парадигмы и прикладных элитологических исследований в системе социально-гуманитарных наук.

Список литературы

Демократия. Власть. Элиты: демократия vs элитократия (под ред. Я.А. Пляйса). 2010. М.: РОССПЭН. 215 с.

Лэш К. 2002. *Восстание элит и предательство демократии*. М.: Научный мир. 224 с.

Московичи С. 1998. *Век толп*. М.: Аспект Пресс. 480 с.

«Маргиналы» — 50/50: опыт словаря нового мышления. 1989. М.: Прогресс. 560 с.

На изломах социальной структуры. 1987. М.: Мысль. 316 с.

Соколов Б. 2000. *Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи*. Минск: Харвест. 608 с.

Стариков Е.Н. 1989. Маргиналы. — *В человеческом измерении*. М.: Мысль. С. 242-245.

Старостин А.М. 2012. *Социально-гуманитарные инновации в контексте философской прагматики: монография*. Ростов н/Д.: Дониздат. 252 с.

Усова Ю.В. 2013. *Политические элиты современной России: динамика и позиционирование*. Владикавказ: Изд-во СИГУ. 314 с.

Хигли Д. 2006. Демократия и элиты. — *Полития*. № 2(41). С. 28-50.

Шкаратан О.И. 2012. *Социология неравенства: теория и реальность*. М.: ИД ВШЭ. 526 с.

Элитология России: современное состояние и перспективы развития. 2013. Ростов н/Д; Изд-во ЮРИУ РАНХиГС. 420 с.

STAROSTIN Alexandr Mikhailovich, Dr.Sci.(Pol.Sci.), Professor, Head of the Chair of Philosophy and Science Methodology, South Russian Institute of Management – brunch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (70 Pushkinskaja St, Rostov-on-Don, Russia, 344002; filosofia@uriu.ranepa.ru)

PONEDELKOV Aleksandr Vasil'evich, Dr.Sci.(Pol.Sci.), Professor, Head of the Chair of Political Science and Ethnic Politics, South Russian Institute of Management – brunch of the RANEPA (70 Pushkinskaja St, Rostov-on-Don, Russia, 344002; ponedelkov@uriu.ranepa.ru)

SHVETS Larisa Georgievna, Dr.Sci.(Pol.Sci.), Professor of the South Russian Institute of Management – brunch of the RANEPA (70 Pushkinskaja St, Rostov-on-Don, Russia, 344002; filosofia@uriu.ranepa.ru)

THE PHENOMENON OF MARGINALIZATION IN MODERN RUSSIAN ELITOGENESIS

Abstract. The article from the standpoint of the methodology of modern elitology analyzes elitogenesis and the functioning of modern Russian elite. It is noted that despite all the dissimilarity of elitogenesis in post-Soviet conditions with the formation of the Soviet nomenclature that grew on the principles of egalitarianism, they remain a significant social continuity. It is shown that modern Russia is characterized by accelerated formation of protoelite community and preserving the mechanisms of marginalization in the process of elitogenesis.

Keywords: elitology, elitologic paradigm, egalitarian paradigm, elitogenesis, marginalization, protoelite community, meritocracy, mediocracy, spirit of elitism